

Научная периодическая печать в России

Хотя наука и признается вненациональной по содержанию, формы ее социальной организации имеют национальные черты, накладывающие отпечаток и на содержательную часть исследований. Особенности советской, польской, немецкой, венгерской и других научных систем в переходную эпоху интернационализации и глобализации проанализированы достаточно подробно [1]. Советская и российская системы науки отличаются склонностью к теоретическим разработкам (“сфера доски и мела”), затрудненностью коммуникаций и закрытостью (“слабая диффузия результатов”), иерархичностью и тенденцией к следованию тематике патриархов (“менторизм”) [2].

Представители власти, ответственные за управление наукой, открыто провозгласили необходимость реформирования науки и ее адаптации к рыночным реалиям [3]. Если наука становится элементом рынка идей, технологий, образовательных программ, то “витриной” такого рынка, “выставкой-продажей” сертифицированного научного продукта, особенно в области фундаментальных исследований, является система публикаций, которая включает научные журналы, монографии, препринты, труды конференций и тезисы.

В информационном поле науки происходят серьезные изменения [4]. Мы рассмотрим группу журналов, облик которых (стиль изложения, процедуры реферирования, взаимоотношения редколлегий и авторов) отражает специфику науки как социального института.

В условиях изолированности советского научного сообщества от западного автономная журнальная система была самодостаточной и по-своему эффективной. Естественнонаучная периодика активно переводилась с русского на иностранные языки и хорошо продавалась на международных рынках. Интеграция российского научного сообщества в мировое и общий кризис сферы академических исследований привели к кризису системы научных публикаций. В частности, престиж и рейтинги многих отечественных журналов падают [5].

Окончание холодной войны и необходимости отслеживать любые возможные научно-технологические “прорывы” потенциального противника ухудшило ситуацию на рынке научно-издательского продукта не только в России, но и на Западе. В условиях отмены ограничений на публикации за рубежом и снятия преград со стороны спецотделов статьи и книги отечественных авторов распространяются за границей, что поддерживается западными издателями. Трансформирование закрытой науки в открытую с соответствующим перераспределением информационных потоков - одно из важных институциональных изменений отечественной науки [6].

В мае 1996 года нами был проведен опрос научных сотрудников г. Казани. Их специальности: математика, механика, информатика. Были опрошены руководители проектов, поддержанных Российским фондом фундаментальных исследований, Фондом Сороса, крупные ученые-стипендиаты Президента России, всего 35 человек. Опрос показал, что 95% предпочитают опубликовать свои труды в отечественном центральном журнале, 70% - в международном (зарубежном) журнале, 20% - в виде монографии. Практически отсутствует стремление публиковаться в нереферируемых сборниках, получить патент, но не публиковать материалы исследования, или передать результаты для коммерческого использования без сохранения авторских прав. Критерием выбора места публикации 80% опрошенных назвали “неформальный престиж журнала”, 40% - “распространенность журнала, доступность его специалистам”, 35% - “быстрый выход статьи в свет”, 20% - “привычку публиковаться именно в этом издании”, 20% - выплату гонорара”, 15% - “импакт-фактор журнала”. Стоит отметить, что лишь 10% опрошенных

следят для импакт-фактором научной периодики. Кроме того, не все знают, что такое импакт-фактор. Большинство (80%) не следит за индексом цитируемости своих работ.

Данные по импакт-факторам и коэффициентам Маршаковой (стандартные показатели воздействия), картам научных фронтов и другие “гарфилдовские” показатели - полезный инструмент оценки состояния и управления наукой [7, 8]. В качестве характеристики географической представительности авторов издания нами был взят коэффициент $k=n/N$, где n - число ученых определенного региона, опубликовавших в этом издании свои работы в течение года, N - общее число научных статей в журнале. Были рассчитаны указанные коэффициенты за 1984-й и 1994 год для москвичей (k_M) и петербуржцев (k_L). Если в некоторых из отмеченных экспертами журналов не указывалось место работы (город) авторов, они исключались из анализа. В статистику не вошли рецензии, информационные сообщения, персоналии.

Таблица

Распределение публикаций москвичей в петербуржцев в научных журналах, коэффициенты k

Журнал (город)/ k	Москвичи		Петербуржцы	
	1984	1994	1984	1994
“Математика”, “Известия вузов” (Казань)	0.085	0.14	0.095	0.01
“Дифференциальные уравнения” (Минск)	0.28	0.31	0.04	0.03
“Журнал вычислительной математики и математической физики” (Москва)	0.6	0.57	0.05	0.02
“Функциональный анализ” и его приложения (Москва)	0.517	0.67	0.11	0.05
“Прикладная механика” и “Техническая физика” (Новосибирск)	0.371	0.143	0.073	0.0075
“Прикладная математика” и “Механика” (Москва)	0.54	0.455	0.04	0.07
“Математический сборник” (Москва)	0.48	0.45	0.073	0.035
“Известия РАН”, “Механика жидкости и газа” (Москва)	0.67	0.62	0.052	0.062

В таблице приведены коэффициенты k_M и k_L элитных журналов по математике и механике (в скобках указывается город “базирования” редколлегии; как правило, это

академический институт или крупный университет). Естественно, в столичных журналах больше московских авторов.

Что влияет на частоту публикаций авторов из того или иного города, помимо “близости” редколлегии? У столичных ученых расширились возможности публиковаться в зарубежных изданиях. Часть лучших московских авторов эмигрировала и потеряла связь с отечественной научной периодикой. Их место заняли провинциальные авторы (для которых раньше центральные журналы были менее доступны) и московские ученые “второго эшелона”. Превращение отечественной науки в “мультицентристскую” [9], интеллектуальное и финансовое притяжение зарубежных центров, уменьшение ресурсов, распределяемых через “московский кластер”, изменили статус отечественной научной периодики. Общая тенденция практически всех научных журналов - сокращение среднегодового количества публикаций, а также уменьшение числа авторов-жителей Санкт-Петербурга.

Рассмотрим специфические характеристики нашей журнальной системы. Во-первых, во многих публикациях отечественных журналов либо не указывается адрес авторов, либо указывается лишь город. В ряде случаев даются труднорасшифровываемые аббревиатуры места работы (ИПТМ, ИГМ, НИИМ и т.п.). Это затрудняет наукометрический анализ, делает невозможной прямую коммуникацию с авторами работ (обмен оттисками, критическими замечаниями). В западной системе публикаций принято сообщать полный адрес автора, в том числе адрес электронной почты. Во-вторых, во многих отечественных журналах информация о членах редколлегий столь же скупа, как и информация об авторах, причем далеко не всегда указывается город, в котором проживает тот или иной член редколлегии. Что касается западных журналов, там указывается место работы членов редколлегии, а иногда и адрес. Это позволяет судить о географической и дисциплинарной представительности соответствующих коллективов экспертов. В западных журналах автору, как правило, высылаются письма, подтверждающие доставку рукописи в редакцию, он может получить информацию о рецензировании, а по мере прохождения статьи через редактирование и набор - контактные телефоны ответственных лиц. Многие издатели анонсируют еще не вышедшие в свет тома, сообщают о журнальной политике и изменениях в составе редколлегий через Интернет. К сожалению, в отечественной журнальной практике этого нет или информация плохо организована. Примерная схема отношений редакции и автора такова: бесправный (особенно провинциальный) автор внизу, недостижимые сотрудники редакций - наверху. Показательно, что в формах отечественной научной отчетности сохраняется термин “центральный журнал”.

Многие отечественные естественнонаучные журналы помимо бесплатной высылки оттисков русского (а иногда и английского) издания выплачивают валютные гонорары за перепечатку статей на иностранных языках: до 50 долларов США за журнальную страницу. На Западе публикация результатов, как правило, относится не к доходной, а к расходной части научных бюджетов. Отечественный автор иногда выигрывает в деньгах, но проигрывает в своих отношениях с редакцией, которая, давая дорогу другим статьям, старается равномерно распределять материальные ресурсы. С этим связан и стиль изложения результатов во многих научных отечественных журналах – излишне сжатый и закодированный. Складывается впечатление, что наши авторы пишут не для читателя, а для рецензента и редактора.

В-третьих, для журналов, которые изучались, типично отсутствие или малое (по сравнению с западными аналогами) число статей дискуссионного характера, откликов на работы коллег, рецензий. Это можно рассматривать как свидетельство высоких требований редакций или же как показатель слабого коммуникативного отклика. Некоторые зарубежные журналы (особенно органы профессиональных ассоциаций и сообществ) публикуют календари предстоящих конференций, встреч и сессий, тогда как в отечественных журналах такие сообщения – редкость.

В-четвертых, отечественное рецензирование также имеет ряд отличий. Известно, что во многих западных журналах рецензенты получают “заготовки-опросники”, где работа оценивается по строго очерченному и часто весьма формализованному набору параметров, хотя распространены и отзывы, которые рецензенты пишут “свободным стилем”. В отечественных журналах “формализованные” опросники используются редко. В этом проявляется общая “нелюбовь” отечественной системы к поддающимся учету технологиям оценки научной работы. С одной стороны, глубокие неформальные отзывы и рецензии, безусловно, стоят любых балльных шкал. С другой стороны, отбор публикаций должен опираться на отлаженные, хорошо известные процедуры. Отметим, что в некоторых западных журналах публикуются списки рецензентов с выражением благодарности за их труд - практика, которую трудно представить в журналах советского образца.

В-пятых, библиометрические показатели, в частности индексы цитирования слабо используются отечественными журналами. Так, И.В.Маршакова отмечает, что данные типа статистики цитирования могли бы стать инструментом для оценки и корректировки материалов, помещаемых в журналах [10]. Западные издатели внимательно отслеживают такую статистику: при благоприятных показателях библиометрические характеристики журнала рекламируются, при неблагоприятных - делаются соответствующие выводы вплоть до закрытия журнала. Отечественные редколлегии и издатели в полной мере не используют соответствующие базы данных. Например, Российский фонд фундаментальных исследований финансировал программу поддержки отечественных научных журналов. Однако насколько эффективной оказалась поддержка того или иного журнала – не ясно. Вероятно, оценка эффективности должна быть связана с динамикой библиометрических рейтингов.

Конкуренция с зарубежными изданиями, общее снижение привлекательности отечественных изданий вынуждают их менять стиль работы. Например, многие издательства ввели систему ежегодных наград и премий, выплачиваемых авторам лучших публикаций года (протекционизм с рыночным стимулированием). Такая практика, создающая более конкурентную и в то же время более дружественную для авторов среду, по-видимому, заслуживает положительной оценки. Стимулирование проявляется и в опубликовании Фондом Сороса списков престижных журналов, сотрудничество с которыми учитывается в конкурсах на стипендии соросовских профессоров и доцентов. Напомним, первоначально в программе краткосрочных грантов Фонда Сороса такие списки наряду с зарубежными журналами включали лишь отечественные издания, входящие в базы данных Института научной информации в Филадельфии, затем список отечественных журналов был дополнен.

Российские фонды (например, РФФИ) стали требовать, чтобы статьи, выполненные при их поддержке, были опубликованы именно в отечественных изданиях (протекционизм с административным стимулированием). Такие методы, призванные ограничить информационную эмиграцию, чреваты рядом негативных последствий: неясно, “одобряются” ли только элитные отечественные журналы, и без того имеющие высокие международные рейтинги и не нуждающиеся в “силовой подпитке”, или же все издания, в том числе слабые? Будут ли “взвешиваться” публикации в зарубежных изданиях для сопоставления с отечественными? Каковы последствия для авторов, которые опубликовали свои результаты в лучших зарубежных изданиях, по сравнению с теми, кто публиковался в менее престижных отечественных? Можно возразить, что такие вопросы станут решаться “неформальным” образом. Однако это чревато произволом. Разумеется, оценки, основанные на чисто формальных показателях типа импакт-факторов или вхождения в базы Института научной информации, не идеальны, но расплывчатые критерии “качественной экспертизы” не лучше.

К отечественной журнальной системе в целом (исключая элитарные журналы) приложимы следующие характеристики посткоммунистической академической науки [11]:

1) *Неэффективность и избыточность*. Некоторые журналы не цитируются даже внутри страны. При наличии хотя бы внутренних импакт-факторов они были бы неконкурентоспособны, поскольку журнал может издаваться не столько для распространения новых научных результатов, сколько для удовлетворения авторских амбиций членов небольших научных сообществ [4];

2) *Фрагментированность в сочетании со сверхцентрализацией*. При резком сокращении коммуникаций с внешним миром (снабжение библиотек и научных центров зарубежной периодикой и монографической литературой) отечественным изданиям грозит изоляция. Оказавшись в информационном вакууме, авторы не могут читать труды иностранных авторов и ссылаться на своих зарубежных коллег, что ведет к снижению интенсивности цитирования (не говоря об ущербе для содержания работы). Сохраняется сверхконцентрация ученых и авторов научных работ в Москве, а это для большой страны с достаточно слабыми коммуникациями неразумно.

Литература

1. Evaluating science and scientists / Ed. by M.S. Frankel. Budapest: Central European University Press, 1997.
2. Balzer H.D. Soviet science on the edge of reform. Boulder: Westview Press, 1989.
3. Булгак В. Наука - очень дорогой товар // Российская газета 1997. № 120.
4. Институциональные изменения в российской науке: организационные и социально-психологические аспекты / Под ред. С.А. Кугеля. СПб.: Петрополис, 1997. С. 73.
5. Маршакова-Шайкевич И.В. Вклад России в развитие науки: Библиометрический анализ. М.: Янус, 1995.
6. Салтыков Б.Г. Российская наука в условиях социальных перемен // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. Вып. X. Материалы VI сессии Международной школы социологии науки и техники / Под ред. С.А. Кугеля. СПб.: СПбГТУ, 1996. С. 10.
7. Добров Г.М., Коренной А.А. Наука: информация и управление. М.: Сов. радио, 1977.
8. Маршакова И.В. Библиометрические исследования и социология науки // Современная западная социология науки: Критический анализ / Ред. В.Ж. Келле и др. М.: Наука, 1988.
9. Несветайлов Г.А. Отношения центр-периферия и трансформация постсоветской науки // Социологические исследования. 1995. № 7. С. 26-40.
10. Маршакова И.В. Система цитирования научной литературы как средство слежения за развитием науки. М.: Наука, 1988. С. 138.
11. Balazs K. Is there any future for the Academies of Sciences? // Technology of transition: Science and technology policies for transition countries / Ed. by D.A. Dyker. Budapest: Central European University Press, 1997. P. 161-183.